

Анатолий ПЕРКИН

г. Якутск

Счастье земное

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Добирался я до Оптиной попутным транспортом. По дороге гордо хвастался, что еду в монастырь, чтобы стать монахом. Всем было интересно меня слушать, и это меня подбадривало.

Особенно хотелось похвастаться перед молодой и красивой попутчицей. Её длинные светлые волосы, которые она постоянно поправляла, привлекали мое внимание, а голубые бездонные глаза будили во мне плотские чувства, от которых в голове возникали разные нехорошие мысли. Я пытался их отогнать, но у меня это плохо получалось.

Пересиливая себя, я ненадолго отводил взгляд в сторону и вновь мельком пытался посмотреть на симпатичную девушку, думая о том, что, наверное, ещё рано мне мечтать о монашестве, так как не смог побороть плотские чувства.

Был июнь, природа радовала распутившейся зеленью. Добравшись до Калуги, я перебрался на другую попутную машину, чтобы попасть в Козельск. Оттуда я пешком прошёл около двух километров, и передо мной во всей своей красоте показалась Оптина пустынь, окружённая рощей.

Монастырь встретил обыденной жизнью, его мир был наполнен своими заботами и проблемами. При входе росли монастырские цветы, красота и мягкий аромат которых манили.

На меня, как и на других паломников, особо никто не обращал внимания. Внутри монастыря бодро, но молчаливо сновали монахи. Большая их часть занималась строительством богоугодного заведения. Были они одеты в рабочие одежды и больше походили на обычных строителей, и только бороды и молчаливый вид выдавали их статус.

Поинтересовался у первого попавшегося монаха, который ухаживал за могилкой, могу ли я стать таким же, как он. Посмотрев внимательно на меня, он сказал негромко и внятно: «Мы здесь всех принимаем, поживи, а там как Бог даст». Радость одолела меня, я был счастлив. «Вот и сбылась моя мечта», – подумал я. Так я стал послушником монастыря, который восстанавливался после долгих лет разрушений.

Журнальный вариант

(Окончание. Начало в № 7-8, 2013)

* * *

И вот какие истории услышал я в то время. 3 июня 1988 года, на праздник Владимирской иконы Божией Матери, в Надвратном храме в Её честь в Оптиной пустыни свершилась первая божественная литургия. Стали происходить чудеса. 17 ноября 1989 года стала мироточить Казанская икона Божией Матери, 17 ноября 1990 года мироточение повторилось. И каждый раз именно 17 ноября.

В монастыре пересмотрели все святцы и древние Минеи, доискиваясь: а может, на этот день приходится какой-то забытый ныне праздник? Отгадка нашлась в архиве монастыря: именно 17 ноября 1987 года был подписан указ о возвращении Русской Православной Церкви Оптиной пустыни. Не люди или обстоятельства возродили монастырь, но сама Царица Небесная предстательствовала об обители умершей, известив нас о том датами мироточения.

Со всей страны стали приезжать сюда православные христиане, некоторые пытались посвятить себя служению Богу и становились послушниками. Первое время гостиницы у Оптиной тогда не было, и ночевали мы в храме. Один паломник положил матрас как раз под иконой Божией Матери, но одеяла ему не досталось, и от холода он не мог уснуть. И вот подошла к нему среди ночи монахиня и укрыла тёплым платком. Проснулся он утром, ищет, кому бы отдать платок, и вдруг как побежал, стал скакать на одной ноге. Его спросили: «Что с тобой, брат?» А он говорит вне себя от радости: «Я же хромым был! Понимаете? А теперь и бегать, и прыгать могу». Отслали этого паломника к старцу, а старец сказал, что монахиня эта была сама Божия Мать.

Оптина начиналась с чуда исполнения пророчества и многих других чудес. Сохранился записанный на магнитофон рассказ очевидца об Оптиной той поры: «Благодать такая, что ноги земли не касаются. У колодца преподобного Амвросия исцелилась женщина, но скрывала сперва. Боялась говорить. Словом, шёл такой поток чудотворения, что вкратце не расскажешь».

Приехал я в Оптину летом, а весной этого же 1993 года здесь были убиты иеромонах Василий, инок Ферапонт и инок Трофим. Слухи ходили разные.

Говорили, к убийству монахов долго и тщательно готовился местный житель из Козельска, который для этого случая затачивал меч с тремя шестёрками на рукоятке. Этого убийцу впоследствии признали невменяемым.

Услышав историю об убийстве священников, я

был потрясён этим событием. Мир жесток и тесен, если даже здесь нельзя найти спасение от тёмных сил, которые преследуют нас повсюду. Говорят, что Бог забирает к себе тех людей, которые выполнили то, что им предназначено на земле, и с этим приходится смиряться. И вот что мне рассказали про то время.

В тот день в нашу жизнь зримо вошла Вечность. В храме перед открытыми Царскими Вратами стояли три гроба, и люди с ослепшими от слёз глазами шли к братьям с последним целованием: «Христос Воскресе, отец Василий!», «Христос Воскресе, Трофимушка!», «Христос Воскресе, отец Ферапонт!» Душа почему-то не вмещала этой смерти – с братьями шли христосоваться как с живыми и, выбрав самое красивое пасхальное яичко, клали на край гроба, наивно подталкивая поближе к руке: «Христос Воскресе, родные!»

Так и стоят до сих пор перед глазами очевидцев три гроба, окружённые, будто венцами, яркой радугой пасхальных яиц. А над онемевшим от горя храмом звучал с амвона тихий голос игумена Павла: «Вот жили мы, жили и не знали, что среди нас живут святые».

Но, чтобы осознать всё это, надо было смириться с утратой и унять крик боли в душе: ведь убиты молодые и такие прекрасные люди. Как же мало им было отпущено, как стремительно краток был их монашеский путь!

Жизнь трёх оптинских новомучеников была краткой и по-монашески тайной. Подвиг их сокрыт от людей, они предстательствуют за нас пред Престолом Господа.

Рассказывали, что через день после погребения монахов было явлено чудо: стали мироточить все три креста на могилах новомучеников. Многие видели это своими глазами.

Оптинские новомученики обычно приходят на помощь втроем, причём иноков Трофима и Ферапонта все почему-то видят в монашеских мантиях.

* * *

Однажды я напросился к одному из монахов в келью. Она представляла собой подобие землянки, внутри стояли несколько чурбанов, жёсткая деревянная кровать и грубо сколоченный стул. Было здесь тесновато, но уютно и чисто. Монах рассказал о том, что последнее время в его келью стал частенько забегать ёжик, которого он начал подкармливать монастырским молоком. И уже через неделю здесь появился ещё один. «Так вот и

живём мы теперь здесь трое». Когда он рассказывал эту историю, на его уже немолодом лице светилась детская и чистая улыбка.

В это время один из послушников принёс в келью иконки. Когда монах их открыл, чтобы более внимательно рассмотреть, они начали благоухать. Это было как дуновение тёплого и насыщенного весенним запахом ветра, который наполнил келью. Монах как бы случайно молча посмотрел на меня, взглядом пытаясь сказать: «Смотри, благодать-то какая!» Этот вечер был заполнен для меня прошедшей встречей и тем духовным подъемом, который я испытал от увиденного.

Недалеко от Оптиной жила в деревне парализованная православная бабушка. Ей иногда приносили еду соседи, но в основном она лежала одна в холодной избе, и никому неизвестно, чем питалась. Она была очень набожная и хотела, чтобы её причастили.

Один из монахов поехал к ней и взял меня с собой. Когда мы вошли в избу, то увидели живые мощи. А бабушка, заметив священника, стала восхвалять Бога. Монах, исповедовав и причастив её, был в восторге от этой встречи, говоря о том, что до такой сильной веры нам так ещё далеко.

После этого мне ещё посчастливилось съездить с монахами в тюрьму в небольшой город под Калугой, где они крестили сразу около пятидесяти человек, и я им помогал. Крестили в бане, для чего наполнили кадки водой, чтобы крестить полным погружением. Все, кто должен был креститься, разделись догола. Один из заключённых спрашивает: «А что, разве мы достойны, чтобы нас крестили? Мы же преступление совершили». А монахи, улыбаясь, смотрят на них и говорят: «Все мы дети нашего Небесного Отца». И все, кто пришёл на крещение, обрадовались, заулыбались и стали очень похожи на детей. Огромные мужики, многие из которых были в страшных татуировках, чувствовали себя в то время малыши и беззащитными детьми. И в эти счастливые для них минуты с кротостью и неуверенностью спрашивали: «А нам можно?»

* * *

Первые дни в монастыре пролетели незаметно. Я всё больше ходил и осматривал то, о чём так долго мечтал. Но спустя некоторое время чувства мои стали остывать. Прожив здесь недолго, помогая в строительстве и восстановлении монастыря и пообщавшись с монахами, я понял, что ещё не готов к такому подвигу, чтобы остаться здесь жить. За стенами мо-

настыря была мирская жизнь, туда тянуло сильнее, наплывали житейские воспоминания. Печаль одолевала меня с новой силой. Нужно было бороться с ней и с собой, но у меня это не получалось. Мне хотелось познания чего-то ещё большего. А что это большее, я не знал. Всё это время во мне боролись два чувства: остаться в монастыре (но я не знал, для чего) или опять вернуться в мирскую жизнь, которая меня особо не радовала.

Окружающая жизнь нравилась. Для меня важно было всё: общаться с монахами, стоять вместе с ними на службе, принимать скромную трапезу, слушать их редкие, но сильные и мудрые слова и в то же время становиться частичкой их общества.

На душе от этого становилось спокойно и радостно, чувствовалась духовная защита, которая в обычной мирской жизни отсутствует. Даже мысли о прошлом, настоящем и будущем были здесь другие. Сложно было выстаивать долгие службы, вникать в молитвы и пытаться понять, для чего ты здесь.

Всё для меня здесь было тайной, а где-то глубоко в душе сохранились необычные чувства, которые пришлось испытать. Особенно когда на улице шёл дождь, гремел гром, сливаясь воедино с колокольным перезвоном. От этого ещё сильнее тянуло в здание монастыря, где наиболее остро ощущался запах лампадного масла и свет, исходящий от него, казался ещё ярче и теплее.

В такие минуты не хотелось ни о чем думать, я просто стоял и наслаждался тем, что меня окружает, и казалось, что нет на свете большего счастья, чем этот мир, который был совсем другим – чистым, добрым и светлым.

Но в мимолётных беседах с монахами я не познал мудрости их слов, потому что не был готов к этому, и стал больше сомневаться в своих мыслях и правильности выбора пути.

Я часто смотрел на монахов и не мог понять, как они, такие молодые и красивые, выбрали себе этот тернистый путь, полностью изменив свой внутренний мир и посвятив себя служению Богу. Мне тоже хотелось быть как они, где-то глубоко в душе я долгое время об этом мечтал. Но мой внутренний мир не хотел этого, он был наполнен другими мыслями, и я с большим сожалением понимал, что обманываю себя.

Нашего желания подчас бывает недостаточно для того, чтобы изменить что-то в своей жизни. Кроме желания, должна быть глубокая вера, основанная на внутреннем духовном богатстве. Нельзя ненавидеть и бежать от себя, надеясь в стенах монастыря найти покой для своей души.

* * *

Живя в Оптиной пустыни, я встречал знаменитых актеров, звезд, которые приезжали для того, чтобы пообщаться с монахами и приобрести жизненный опыт.

Монастырь всегда ценился мудростью старцев, к которым и в прежние времена обращались великие люди, писатели. Они искали ответы на многие вопросы, которые не могли найти в своём обществе и в себе.

Но для того чтобы понять услышанное, необходима внутренняя потребность в этом, хотя бы небольшой жизненный багаж, потому что приобрести духовные знания суждено не каждому. Я был слишком наивным, думая о том, что, поселившись в стенах Оптиной, изменю мышление и неожиданно обрету мудрость. Но так в жизни не бывает: чтобы её приобрести, необходимо пройти весь путь, который нам предначертан сверху, не сокращая его.

Познание жизни – словно ступени лестницы, каждая из которых даёт определённые знания, и, не ступив на одну из них, мы, возможно, не узнаем самого важного и, поднявшись на ступени выше, не сможем познать большего.

Ответ на вопрос, как жить, человек начинает искать тогда, когда запутывается в самом себе, начиная осознавать своё предназначение. Даже добившись многого в жизни, имея положение в обществе и достаток, человек задумывается над смыслом жизни, не находя правильные ответы.

В поисках ответа мы приобретаем опыт жизни, становимся мудрее, меньше делаем ошибок.

Осознав, что до духовной жизни мне ещё очень далеко, я стал жить в монастыре больше из любопытства. Хотелось понять, в чём видят монахи своё предназначение и счастье. Но все мои беседы с ними в основном сводились к православной вере и молитвам. Для меня всё это было далеко и непонятно. Я не мог заставить себя искренне и глубоко молиться. Сначала мне казалось, что это очень просто, а на самом деле это не так. Для того чтобы быть ближе к Богу, нужна сильная вера, которой нам часто не хватает. Только она придаёт силы и уверенности в выбранном пути.

Люди приходят в монастырь в двух случаях: одни для того, чтобы посвятить себя служению Богу, другие пытаются убежать от себя и земных проблем. Те, которые пытаются убежать от себя и найти покой своей душе за монастырскими стенами, не знают, чего ищут. Их жизнь превращается в страдания, которые они несут до тех

пор, пока не осознают, для чего они пришли на эту землю.

Те, кто знают, чего хочет их душа, приходя в монастырь, искренне принимают монашество, отдавая себя служению Богу, и становятся счастливыми людьми – с другим мышлением, понятием жизни, новым отношением к себе и окружающим.

Со мной рядом были такие же люди, как и я, которые в поисках счастья и познания смысла жизни пытались остаться здесь.

Один из послушников – Николай – часто и искренно молился, плакал, стоя на коленях перед иконами. Глядя на него, можно было догадаться, что сюда он пришёл не от хорошей жизни. Я случайно узнал, что на душе у этого человека большой грех, который можно искупить только молитвами и сильной верой.

Однажды я попытался с ним заговорить и услышал откровение человека, который запутался в своей жизни.

– В четырнадцать лет я стал наркоманом и два года скитался с компанией хиппи по подвалам и чердакам. Это был ад. Я погибал. И когда в шестнадцать лет я приехал в Оптину, то сидел уже на игле. Как же я полюбил Оптину и захотел жить чистой, иной жизнью! Но жить без наркотиков я уже не мог. Мне требовалось срочно достать дозу, и я уже садился в автобус, уезжая из Оптиной, как дорогу мне преградил незнакомый инок. «Тебе отсюда нельзя уезжать», – сказал он и вывел меня из автобуса. Это был инок Трофим.

Для меня Оптина пустынь стала спасением. Здесь я по-новому стал смотреть на свою жизнь. Всё то, что меня окружает, даёт силы и вселяет надежды на лучшую жизнь, а стены, которыми окружён монастырь, защищают от всяких плохих мыслей. Я боюсь выходить за его стены, потому что там может начаться прежняя жизнь, от которой я убежал. На самом деле я не убежал, а пришёл к православной вере, которая оберегает и спасает меня. Я не знаю, как сложится моя дальнейшая судьба, но уверен лишь в одном: не приди я в монастырь, жизнь моя превратилась бы в настоящий ад, из которого не каждому суждено выбраться.

Я еще дома пытался прийти к Богу, но стеснялся своих родителей. Летом я уходил читать молитвы в сад, в котором у меня было укромное местечко, а в дупле старого дуба я хранил молитвенник.

Когда мне бывало очень плохо и одиноко, я приходил в сад. Там было хорошо, особенно весной, когда просыпается природа и всё стремится к солнцу и свету, а в голубом и бесконечно необъятном небе поют птицы и кроны берёз что-то шепчут друг другу.

Обнявшись с березой, я разговаривал и ощущал энергию, которая исходила от неё, и в этом находил своё наслаждение и счастье и верил в лучшее.

Представляешь, что ты стоишь на коленях среди цветов, а когда начинаешь молиться, то хочется ниже опустить голову, так как от земли исходит запах трав, мяты и чего-то необъяснимого и дорогого.

Когда я оставался один на один с природой, я чувствовал себя ближе к Богу и представлял себя отшельником, и от этого на душе становилось легче, потому что не думаешь про наркотики, все плохие мысли покидают тебя. Весь твой внутренний мир наполняется той красотой, которая тебя окружает, и теми хорошими мыслями, которые от неё приходят, – как бы исповедовался передо мной Николай.

Человек сам строит своё счастье, и оно начинается в его душе и зависит от того, как он мыслит и чего хочет от жизни. Если он мечтает быть в жизни счастливым, то будет к этому стремиться и станет счастливым, если будет видеть во всем только плохое, то и жизнь его не станет удачной, и человек будет страдать от самого себя.

* * *

Прислонившись к старой монастырской стене, я грелся на ласковом и ярком солнце, думая о том, как жить дальше, успокаивая себя мыслью о том, что, если я не смог посвятить себя служению Богу, значит, так угодно ему. Нельзя изменить в своей жизни то, что тебе предназначено сверху. Всё то, что я придумывал для себя, осталось где-то позади, а в душе появились разочарование и пустота, которые нужно было чем-то заполнить.

Я стал вспоминать то время, когда, живя среди нищих и бездомных, мечтал о том, что, придя в монастырь, смогу найти успокоение душе и счастье. Но, не найдя здесь ни то ни другое, я ещё больше подвергся унынию и разочарованию. Передо мной снова встали вопросы, как жить дальше, как найти себя, в чём смысл жизни?

Недалеко от меня тихо прошёл монах. Остановившись перед храмом, глубоко и душевно помолился. И в это же время где-то рядом раздался одинокий колокольный звон, разорвавший тишину, напоминающая о вечерней службе и вечности. Он заполнял образовавшуюся в моей душе пустоту, захотелось глубоко и радостно вдохнуть этот тёплый вечерний воздух и хотя бы на несколько секунд раствориться и слиться с этим благоухающим и звенящим дивным

вечером, который я покидал вместе с монастырём. В груди стало тягостно и одиноко.

Уезжать из монастыря не хотелось, но знал, что жить здесь не смогу. Не хотелось мучить и терзать свою душу. Мирская жизнь всё чаще напоминала о себе. Боялся только одного, что опять, выйдя за монастырские стены, буду никому не нужен, да и податься было некуда.

Так я снова оказался бомжом, и жизнь моя, как прежде, превратилась в скитания по стране, полуголодное существование с ночёвками по вокзалам.

В Оптиной пустыни я приобрёл Библию. Это была очень маленькая книжка, текст был очень мелкий, поэтому читать его было трудно, но зато удобно носить с собой, так как книга не занимала много места. Первое время Библия мне давалась тяжело, но, прочитав один раз, я начал читать её повторно. Она отвлекала от нехороших мыслей, уходило уныние, поднималось настроение, появлялся смысл жизни.

В Библии я находил ответы на многие сложные жизненные вопросы. Она стала для меня словно духовным учителем.

Где-то глубоко в душе я осознал, что есть много таких людей, как я, которые, пытаясь разобраться в себе, ищут смысл жизни и счастье в православии.

Вспомнились слова монаха Оптиной: многие проблемы в жизни возникают от наших несовершенных мыслей и чувств, которые мы подчас не в силах преодолеть в себе. Не так важно познание окружающего общества, важнее познание своего внутреннего мира, которое даёт человеку возможность становиться более зрелым, мудрым и счастливым.

ЛЮБОВЬ

После всех жизненных неурядиц душе хотелось покоя, который я видел в деревенской жизни. Мечтая занять свой дом и счастливо встретить старость, я подался искать своё счастье в деревню. На этот раз мне повезло. Узнав, что я окончил Московский автомеханический техникум, меня взяли работать инженером в колхоз Рязанской области. И вот я, поклонник Сергея Есенина, оказался на его родине, в селе Константиново. Снова всплыли детские воспоминания, казалось, что жизнь налаживается. Красота есенинского края покорила меня, вновь проснулась поэзия, посвященная любимому краю и дорогим сердцу российским берёзам.

Здесь и суждено мне было встретить ту девушку, о которой я мечтал. Мне казалось, что это и была моя судьба. По вечерам мы гуляли по берегу красавицы Оки, провожая закат, а потом возвращались в старенький домик на берегу реки, и долгими вечерами я рассказывал Наташе о своей жизни. Каждая встреча с ней была дорога для меня. После всех неурядиц у меня появлялся смысл жизни, а сердце моё пылало от любви и счастья, которое я больше всего боялся потерять.

Я носил большой кучерявый чуб, считался вторым поэтом деревни (после Есенина), и стихи мои печатались в районной газете.

Наташа работала сельским фельдшером, поэтому многие её знали и говорили только хорошее. Мне очень захотелось о ней написать. И когда в одном из номеров районной газеты появились Наташина фотография и небольшой очерк о её коллективе «Отличает доброта», жители деревни много раз его перечитывали и с гордостью говорили: «Это наш доктор!» А я ходил с высоко поднятой головой, зная о том, что это очередной шаг к её недоступному сердцу.

Мои новые друзья меня подбадривали: «Смотри, какая девушка, не уппусти момент». А я и сам мечтал о ней. Мне казалось, что само счастье повернулось ко мне лицом и осталось лишь только протянуть к нему руки. При каждой встрече я любовался той, о которой мечтал, и приносил новые стихи, посвященные ей, пытаясь завоевать её сердце. Я был уверен, что мои стихи, написанные для неё, сотворят чудо.

Мне хотелось совершить неожиданный поступок для того, чтобы изумить дорогого мне человека. И я посадил под её окном саженыцы черёз, представляя, как весенним солнечным утром, выглянув в окно, она увидит их, склонённых в сторону её дома. Но этого было мало, рядом с ними я высадил алые розы. Чтобы об этом никто не знал, сажал и поливал их ночью.

Но всё равно я оставался для неё только странником, который неожиданно пришёл в её жизнь.

В один из вечеров с новыми стихами, полевыми цветами и бутылкой шампанского я пришёл к своей любимой. И уже готов был признаться в любви, но она как будто прочувствовала это, и я услышал от неё драматические для себя слова: «У меня на этой неделе свадьба, я обручена со своим бывшим однокурсником». Для меня это было настоящей трагедией. Я не верил её словам. Последние дни, проведённые с ней, для меня оказались самыми яркими и счастливыми.

В этот миг мне показалось, что мир перестал для меня существовать, я, не стесняясь своих

чувств, встал перед ней на колени, признаваясь в любви.

Где-то глубоко в душе я создавал, что вижу её в последний раз, но не верил этому. Когда она, извиняясь, сказала, что мне пора уходить, в душе моей всё перемешалось, вместо возвышенных чувств возникло неподвластное желание овладеть ею.

Я хотел взять её силой. Об этом я не думал никогда. За время нашего знакомства я даже не смел сказать ей грубого слова, боялся обидеть пошлыми мыслями. Мне доставляло удовольствие просто быть рядом и любоваться ею. Радовала каждая улыбка, любое движение рук, всё, что было связано с ней.

И когда я понял, что могу всего этого лишиться вмиг, то мне было всё равно, что она будет думать обо мне. В голове возникали вопросы без ответов. Она уйдет, и я уже не увижу её никогда. Почему всё в жизни несправедливо? Я, наверное, и жить дальше без неё не смогу. Если я сейчас овладею ею, то получу наслаждение, а там пусть что будет. Если не сейчас, то когда? А может, она этого хочет? Ведь некоторые женщины любят, когда их берут силой. Эти нехорошие мысли навязчиво одолевали и были выше моих возвышенных чувств, которые всё дальше уходили от меня. Тогда я решил действовать.

Обняв, пытался привлечь к себе. Впервые за многие дни наших встреч я ощутил запах её волос, увидел так близко широко открытые удивлённые глаза. От неё исходил тонкий и приятный запах, напоминающий что-то дорогое и необъяснимое.

Он будоражил моё сознание и возбуждал желания, которым я не в силах был противостоять. В голове беспрестанно звучали фразы: «Я люблю её. У меня всё получится, она будет моею, только с ней мне будет хорошо, я буду счастлив». Я продолжал её целовать, пытаясь добиться заветной цели.

«Я думала, ты другой, а ты – как все», – услышал я неожиданно упрёк. От этих слов мне стало не по себе. Они словно обожгли и отрезвили меня. Желание овладеть девушкой исчезло, словно его и не было, руки опустились сами по себе. Наташа, словно птица, выпорхнула из моих объятий.

В душе стало пусто, и предчувствие предстоящего одиночества вновь напомнило о себе.

В голове возникли вопросы. Как я мог об этом даже подумать? Если это любовь, то всё должно быть взаимно.

Мои искренние возвышенные чувства остались без ответа, как и вопросы: а может, и не моё это счастье, которое я потерял? Почему любовь осталась без взаимности? Значит, не так сильно я бо-

ролся за неё? Может, мы придумываем любовь, обманывая себя и других?

Пришло воспоминание из детства. Вместе с родителями я ездил в соседнюю деревню хоронить своего дядю, который, как говорили соседи, повесился в Москве из-за большой и безответной любви. Ко мне мысль о самоубийстве не приходила, но мир, казалось, перестал для меня существовать.

Любовь только тогда приносит счастье, когда ты знаешь, что любят и тебя. И живёшь в ожидании этого большого чувства, которое может перевернуть всю твою жизнь.

Без взаимности от любимого человека жизнь становится бессмысленной и пустой. Некоторое время пытаешься осознать произошедшее, потом ещё некоторое время живёшь теми чувствами и мечтами, которые должны были сбыться, но уже понимаешь, что снова остаёшься один, и это одиночество будет тебя преследовать до тех пор, пока твой внутренний мир не заполнится новыми чувствами.

Утром я пошёл провожать Наташу на автобус. Хотелось увидеть её в последний раз. Где-то глубоко в душе я ещё надеялся, что произойдёт чудо и она останется со мной.

– Извини, что так получилось, я не хотела делать тебе больно, ты ещё встретишь в жизни девушку своей мечты и станешь счастливым, – звучали её прощальные слова. Я знал, что в последний раз люблюсь тем образом, который создавал в своих мечтах и стихах.

Чтобы остудить свои чувства, я опять подался путешествовать по стране, туда, куда глаза глядят. Но самое худшее подстерегало меня в поэзии. Я уже, как прежде, не складывал возвышенные лирические строки о любви, и образ той девушки, о которой я мечтал, всё дальше отдалялся от меня.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Осенью этого же года я рискнул поступить на факультет журналистики МГУ, но завалился на первом же экзамене. Тогда решил попасть на подготовительное отделение, взяв направление из колхоза и районной газеты, с которой активно сотрудничал. Но не учёл того, что стаж работы должен был быть не менее года.

Снова я оказался в большом раздумье и на этот раз поехал в Тюменскую область, где в то время строилась железная дорога на Ямал. Однако мне сказали: «Берём только по направлению».

Побывав в Когалыме, Ноябрьске и Сургуте, я не

смог найти работу и вновь оказался на вокзале. Однажды, когда ночевал там, рядом со мной на скамейке парень включил магнитофон, из которого звучала песня группы «Ялла» «Учкудук».

«У меня же там дядя живёт, который когда-то приглашал меня на работу», – вспомнил я. И отправился в Среднюю Азию, предварительно купив карту Узбекистана. Сначала добрался до Ташкента, потом до Навои, откуда до Учкудука шел местный поезд.

Это была дорога из современного мира в средние века.

Со мной в вагоне, разговаривая на незнакомом языке, сидели почтенные бородатые узбеки в пестрых халатах и белоснежных больших чалмах. Увидев, как я пристально их рассматриваю, на ломаном русском языке предложили отведать горький зелёный чай, который я попробовал первый раз в жизни.

Кругом лежала необъятная пустыня. Изредка встречались одинокие аулы, из них вылетали полубогажённые дети и бежали к поезду, из которого им выдавали еду и воду. По пути встречались красивые мазары – места погребения святых и особо почитаемых представителей мусульманского духовенства.

К полудню наш поезд прибыл в Учкудук, встретивший почти 50-градусной жарой и знойным горячим ветром. При въезде в город стоял необычный памятник трём колодцам, из которых била студёная ключевая вода. Был он воздвигнут на месте, где много лет назад проходил верблюжий караван, доставляющий воду и питание в отдалённые аулы. Теперь здесь было культурное место отдыха молодёжи, где проходили встречи, играли свадьбы и проводили дискотеки. Город поразил своей красотой. Зелёные деревья, действующие фонтаны, красивые современные здания. После двух суток путешествия по пустыне я попал в настоящий оазис, расположенный в центре пустыни Кызылкум (красный песок). Здесь по утрам, словно гимн, звучала песня, посвященная пустынному сказочному городу Учкудуку.

В сильный зной жители почти не выходили на улицу: горячий и свирепый песок кружил над городом. Учкудук замирал в ожидании спада беспощадной жары. И только заплутавшие верблюды напоминали о том, что здесь кто-то живёт. Вечером город снова оживал, жизнь бурлила почти до самого утра.

Зимой, когда температура воздуха опускалась до 5 градусов тепла, природа отдыхала от беспощадной жары. Весной пустыня вновь оживала и покрывалась нежной зеленью, которая быстро засыхала под знойным солнцем. Позже в это время года я любил убегать далеко в пустыню, где окружающий ме-

ня мир казался бесконечным и загадочным, а я чувствовал себя песчинкой.

Люди в этом райском городе оказались гостеприимными, особенно узбеки. Быть в гостях у них мне нравилось. Я уважал их порядки и зачастую удивлялся отношению к женщинам, которые никогда не садились с мужчинами за стол. Встречали меня всегда доброжелательно, приглашали в отдельную комнату для гостей, где было всё устлано дорогими коврами. Во время нашего общения было слышно, как в соседней комнате резвились дети, особенно красиво выглядели девочки в своих национальных одеждах и с многочисленными косичками.

Прожив немного в Средней Азии, я приобщился к местным культуре и обычаям. Теперь, отужинав, прижимал руки к груди и говорил: «Рахмат». Этот жест здесь любили, он означал благодарность и признательность за тёплое гостеприимство.

* * *

Учкудук славился не только шахтами, где добывали урановые руды, но и зонами, которые содержать здесь выгодно, так как в пустыне далеко не убежишь.

В общежитии мест не было, кроме комнаты, где жили трое только что освободившихся зеков, которые строили в пустыне водоканал. Я попросил, чтобы меня поселили вместе с ними. Но они приняли меня не очень приветливо.

По вечерам они часто пили чифирь (круто заваренный чай). Мне было интересно слушать, о чём они толкуют, но моя беседа с ними не вязалась. «Что у тебя за дебильное мышление, – часто говорил один из них. – Ты так не сможешь выжить в этом обществе, тебе надо глобально менять к нему отношение». Я не мог тогда понять, о чём они говорили. По молодости весь мир мне казался в розовых красках, а все люди – честными и добрыми.

Судьбы у этих людей были разные. Все они были ещё молоды, но жизнь преподнесла им свои уроки. Один отсидел два года за то, что ударил милиционера, защищая какую-то женщину. А когда его посадили в тюрьму, его жена ушла к другому. И теперь он со злостью в сердце стал относиться почти ко всем женщинам, называя их самыми последними словами.

Его друг восемь лет отсидел за воровство и с гордостью рассказывал о том, что он знает даже вора в законе. Был он спокойным и рассудительным, поэтому нравился мне больше всех. Третий их товарищ

был постоянно недоволен жизнью. Он часто и нервно ходил по комнате, постоянно курил, ругался, говорил о том, что власть, которая давно проворовалась, пора свергать, что она зажралась и кроме своего носа ничего не видит.

В один из вечеров свою злость и недовольство жизнью он вылил на меня: «Ты что прикидываешься, что такой добрый и хороший, да ты на самом деле дерьмо и хуже нас. Сними маску, я тебя раскусил. Ненавижу таких хорошеньких людей, как ты, которые маскируются. Если бы ты был на зоне, я бы из тебя голубого сделал».

Его слова оглушили меня открытостью. Я не знал, что ему сказать в ответ. Было больно слышать эту неправду в отношении себя. Но это дало мне повод задуматься о том, что, возможно, это не первый человек, который может так думать. Некоторые люди, которых обидела судьба, не любят других, правильных – они не внушают доверия и вызывают негативное отношение. К таким людям относился и этот человек. Мне было жалко его. Он не находил себе покоя даже ночью. Когда все спали, он вставал и много курил, а в глазах его были постоянная тревога, пустота и недоверие к людям.

Однажды ночью я почувствовал боль от чего-то острого. Открыв глаза, я увидел, как ножик упирается мне в горло. «Ну что, страшно? Вот сейчас ты и будешь сам собой», – говорил сосед по комнате. От него шёл страшный перегар, глаза дико бегали, а рука, державшая нож, дрожала. Страх меня не одолел. Наверное, я ещё не совсем проснулся. Мне казалось, что это был сон, который должен быстро закончиться. Но когда лезвие ножа стало впиваться ещё глубже мне в шею, я понял, что это не сон. Но испугаться не успел. Он дико засмеялся и сказал: «Ну что, пацан, кончать тебя или как? А хотел быть особенным. Мне терять нечего, чиркну – и всё». Наутро его трясло, он выглядел опустошённым и одиноким.

После произошедшего ночного инцидента мне было его по-прежнему жалко. Запарив кружку крепкого чифиря, он пытался его выпить. Кружка оказалась горячей, и он, обжигаясь, бросил её в стенку. После этого, ещё долго матерясь, ходил по комнате, пытаясь вылить свою злость в слова, которые ни к кому не относились. В его глазах я увидел безысходность, полное одиночество, отчаяние.

Ему не хватало простого человеческого понимания, поддержки и главное – веры во что-то хорошее. Уже позже, когда отношения у нас более или менее сложились, он рассказал мне, что виновата во всём тюрьма, в которую он сел ещё малолеткой, в общей сложности отсидел около десяти лет. Он поведал

мне страшные истории из своей тюремной жизни, и я старался его понять. Понять я не мог одного: почему люди, отсидев солидный срок, не становятся лучше, почему в их жизни после тюрьмы так мало счастья, о котором они мечтали, отбывая наказание?

– А вообще я злой человек. Люди уважают силу, кто сильнее, тот и прав. Мы живём в таком обществе, где человек человеку – волк. Хотя они больше уважают свою стаю, чем мы самих себя. Знаю по себе, злость нельзя выпускать наружу. Стоит это только сделать, как она приобретает силу и с ней уже будет сложно справиться. Ты спрашиваешь, почему я часто конфликтую с людьми? Да потому, что они не ценят своё «я». Они, как стадо баранов, готовы пойти за кем и куда угодно. Ты знаешь, за что я сидел последний раз? За то, что убил человека, убил случайно. Конечно, это большой грех, но я его уже испустил, мне на зоне почки опустили и полжелудка вырезали. Ты думаешь, я теперь такой жене буду нужен? И как я, по-твоему, теперь должен относиться к людям и к нашим законам, если на той же зоне они не смогут защитить людей, пусть и зеков? Там совсем по-другому думаешь о смысле жизни, и никто тебе не поможет, если сам не сможешь за себя постоять. Почему на зоне некоторые заключённые приходят к Богу? Да потому, что им нужны вера и смысл жизни, без этого там нельзя выжить. Сейчас я свободный человек, и в этом моё счастье. Свобода для меня во всех отношениях дороже всего на свете, я ею живу, она для меня как мать родная и является смыслом всей моей жизни, – убежденно говорил он.

До этого я не встречал людей, которые, преступив закон, не хотели снова по нему жить. Окончив Московский университет марксизма-ленинизма, по вечерам я пытался их учить жизни. Но знания, которые я пробовал донести, им явно не нравились, и однажды в меня были запущены тяжеловесные гантели. После этого я решил больше молчать и прислушиваться к их разговору, пытаюсь понять тюремный жаргон. Уже через неделю стал полноценным членом их компании, по вечерам слушал блатные песни и глотал вместе с ними крепкий чифирь, от которого, как мне казалось, становился намного взрослее и мудрее.

Однажды с целью выудить у них ответы на интересующие меня вопросы, купив бутылку водки, я перешёл на откровенный разговор, пытаюсь узнать, к какой иерархии я бы относился, если бы был на зоне. После нескольких выпитых рюмок водки, немного задумавшись, мне единогласно вынесли приговор: стал бы мужиком. Слово мне это понравилось, хотя смысла его в то время я не

знал. Но по отношению ко мне освободившихся зеков понял, что не всё так плохо.

Со временем и пустыня со своей экзотикой перестала меня особенно интересовать. И я вновь решил уехать в холодную Якутию.

Провожать меня в дальнюю дорогу пришла вся новая компания. Если одни учили, что надо поменяться, относиться к жизни серьёзно и быть хитрее, другие говорили: «Оставайся таким же мужиком, как есть». А тот сосед по комнате, который пытался когда-то меня унижить, попросил прощения, и мне от этого было как-то неудобно.

Но в душе я гордился тем, что если недавно для этой компании я был почти изгоем, то сейчас, расставаясь со мной, они по-братски меня обняли.

* * *

Дорога оказалась долгой и приятной. Алма-Ата, Хива, Самарканд, Ташкент и другие города Востока поражали меня гостеприимством и красотой.

Когда были деньги, жил в гостиницах, без них, по привычке – на вокзалах. Часами засиживался в чайханах, общаясь с аксакалами и пытаюсь понять восточную мудрость. Меня, русского путешественника, как я представлялся, да еще и журналиста, принимали тепло, сажали на самое уважаемое место в чайхане, бесплатно поили зелёным чаем и угощали лавашом. Аксакалы больше любили расспрашивать: кто, откуда, как там жизнь? Говорили мало, больше улыбались в свои шикарные белые бороды.

БАТЮШКА

Я люблю ездить в поездах, особенно дальнего следования. Скорый поезд мчится, как судьба, сквозь время и расстояния, минуя остановки, которые, словно преграды, встречаются на твоём пути. За окном мелькают станции и полустанки, незнакомые города и сёла. В купе, которое становится тебе временным жилищем, за стаканом чая можно поразмыслить о жизни, даже случайные пассажиры тебе не мешают. Они приходят и уходят, и ты уже редко их вспоминаешь, потому что в твоей жизни они ничего не значат. С ними можно делиться самым сокровенным, тем, чем не делишься с близкими людьми. И твои новые попутчики станут одобрительно кивать головой. Потом, не нарушая покой, ночью тихо покинут тебя.

После трёх дней поездки ко мне подсел пассажир.

Был он высокого роста, молод, спокоен. Представился Сергеем. Достал сало, варёную картошку, ломоть хлеба, водку и стал угощать. Я был очень голоден и с удовольствием составил ему компанию.

Новый знакомый оказался из Украины. Окончив духовную семинарию, с недавних пор работает в Чите настоятелем церкви. Если бы он не сказал, что священник, я бы никогда не подумал. Его внешний вид, общение и мысли не выдавали в нём настоятеля церкви. Я обрадовался такой встрече, не так часто встречаются священники, с которыми можно говорить свободно и независимо. Мне понравилось с ним беседовать. О религии и православии говорили мало, больше о людях, отношениях и человеческих судьбах. В Новосибирске я вышел, чтобы навестить старого друга.

Через сутки, снова оказавшись в дороге, решил заехать к священнику, который пригласил в гости. Чита встретила меня дождливой погодой и редким солнцем. У первого встречного спросил, где находится православный храм.

При входе в храм я сразу узнал в священнике недавнего попутчика. В рясе и с кадилом он выглядел совсем другим. Узнав меня, незаметно кивнул головой, и я остался ждать его в церкви, пока не окончилась вечерняя служба. «Сейчас переоденусь, пойдём ко мне в гости, ты же не спешишь?» – спросил он. Я был доволен приглашением. По городу мы шли недолго. «Вон моя избушка», – показал он на старенький бревенчатый дом. При входе в сених на стенах висели разные травы, а в доме – много разных икон. Я в растерянности встал, не зная, как себя вести в доме батюшки, и для приличия стал молиться всем иконам.

– Ты давай проходи, я сейчас чай с травами заварю, – сказал он, увидев моё замешательство.

– Как встретила Чита, что за люди? – спросил я.

– Люди здесь далеки от веры, приходят в церковь и начинают друг друга обсуждать, грех, да и только. Здесь вообще мало знают, что такое православие. Ходят бабушки, да и то только помолиться, возраст у них такой. Но не будем строго осуждать людей. Бог им судья. Не они в этом виноваты. Время такое, – задумчиво делился священник своими впечатлениями.

– Жизнь бы стала намного счастливее, – выдержав небольшую паузу, продолжал он свою беседу, – если бы мы больше думали и жили духовным миром, а не материальным. Но, как правило, нашу жизнь определяют наши материальные мысли, которые не всегда совершенны, от них нам и приходится страдать. Человек живёт в обществе, оно и диктует ему свои законы. Все в жизни хотят быть

счастливыми и ищут счастье везде. Да как его можно искать, как иголку в сене, что ли? – вопросительно посмотрел он на меня. – Только православная вера, основанная на любви к ближнему, может сделать нас счастливыми. Много в жизни зависит от веры, и чем она глубже и искреннее, тем ближе мы к Богу. Мне долго первое время не удавалась молитва. Я знал, что звучать она должна совсем по-другому. Но как, этого я не знал. И вот однажды, когда я читал вечернюю молитву, вкладывая в неё все свои духовные силы, откуда-то сверху полилась другая молитва, наполненная несравненной радостью и любовью. Я думаю, мне была оказана помощь за то, что я глубоко и искренне верил в силу молитвы. На следующий день утренняя служба в церкви была необычной. Во-первых, на неё почему-то пришло намного больше прихожан, во-вторых, многие решили исповедаться.

Беседа с новоиспечённым батюшкой доставила мне духовную радость, открыла глаза на вещи, которые я раньше не замечал. Покидал его жилище я поздно вечером, так как спешил на поезд. Батюшка вышел на крыльцо, посмотрел на молодой месяц и зарождающиеся звёзды в чистом и бездонном небе и сказал задумчиво: «Смотри, красота-то какая! А ты спрашиваешь, что такое счастье». Я попросил батюшку, чтобы он благословил меня на дальнюю дорогу. Уже в поезде стало немного грустно, захотелось вернуться назад, чтобы быть ближе к такому человеку, от которого исходят блаженство и радость.

И вот я снова в Якутии. На этот раз мне повезло. Зашёл к хорошему знакомому Василию Владимировичу Шимохину, генеральному директору «Ассоциации строителей АЯМ», который предложил мне должность редактора рекламной газеты. А в 1995 году я стал членом Союза журналистов России, почувствовав себя счастливым человеком, который достиг чего-то в жизни. Тогда мне казалось, что я стал более образованным, грамотным и успешным. На самом деле впереди предстояло ещё много работы, исканий и разочарований.

НА РОДИНЕ

ДОма я не был давно, наверное, лет восемь. Очень хотелось увидеть отца, узнать, как он живёт. Душа томилась в предвкушении встречи. Была осень.

Отца я узнал издали, он шагал, сутулясь, на работу по узкой тропинке. Я шёл навстречу. «Здравствуй, отец», – радостно приветствовал я его. Он ус-

тупил мне дорогу и пошёл дальше. Я догнал его: «Это же я, твой сын, ты что, меня не узнаёшь?» – дрожащим голосом спросил я. В душе моей наступило смятение и возникло непонятное чувство. Посмотрев внимательно в мою сторону и узнав меня, отец начал плакать. Впервые я увидел, что мужчины могут плакать словно дети.

– Толя, сынок, это ты? Я думал, что ты ко мне больше не приедешь, – всхлипывал отец. Он просил прощения у меня и сквозь слёзы рассказывал, что приезжал младший брат и спрашивал про меня. Что попал он в аварию и остался без ноги, сейчас где-то бичует по вокзалам и просил позволения остаться жить. «Но сам я, как видишь, живу на птичьих правах», – оправдывался отец.

Он говорил, мол, сам виноват, что так сложилась жизнь у него, меня и моего брата. Что с женщиной у него не сложились отношения, она выгоняет его из своего дома. А наш старенький домик в соседней деревне, в котором мы жили когда-то дружно и счастливо, наполовину развалился, и теперь точно некуда податься. Что всё могло быть по-другому и мы бы жили все вместе, дружно и счастливо. Мне было жалко отца. Я не говорил ему о своей жизни, о том, что и сам долгое время жил впроголодь и бичевал по вокзалам.

Когда услышал о брате, в моей душе появилась надежда, что ещё могу повидаться с ним. Хотелось просто обнять его, попросить прощения, узнать, как он живёт. Мне трудно было представить, как он на одной ноге в поисках счастья земного живёт где-то на вокзале, как жил и я.

На обратном пути заехал в свою деревню, где провёл счастливое детство, влюблялся и разочаровывался. Приехал к школьному другу. Он теперь здесь большой человек – председатель колхоза. По пути увидел мужиков, сидящих на завалинке.

Вспомнилось детство, когда я подсаживался к ним на завалинку. На этот раз, узнав в мужиках своих старых знакомых, как и много лет назад, сел рядом с ними. «Дядя Коля, вы что, не узнаете меня?» – спросил я. «Как же не узнаю? Узнаю», – ответил он.

Меня узнали, и от этого на душе стало тепло и радостно. Предложили закурить махорку. Я не курил, но для приличия затянулся деревенской самокруткой. Едкий дым попал в глаза, они стали слезиться, хотя слеза выступила еще раньше, и теперь было не разобрать от чего. Мне хотелось похвастаться перед всеми: «Смотрите, я журналист, редактор газеты, я чего-то добился в жизни».

Потом я долго бродил по дорогим сердцу местам, вспоминая своё детство. Почти всё здесь

изменилось, некоторые дома стояли заколочеными, брошенными хозяевами, знакомые улицы стали какими-то маленькими, но для меня всё было близкое и родное. Пришёл к своей любимой голубоглазой речушке и умылся студеной холодной водой, пытаясь снять с себя усталость пройденных дорог и освежить в памяти прожитые годы. Решил посетить свой старенький дом. Он зарос бурьяном и крапивой, среди которой виднелись грозди черёмухи и отцветшая сирень. Я взял попавшую под руку палку и с большим трудом пробился к двери, на которой уже давно не висел замок. Встал в дверном проёме, не решаясь войти, и вдруг на меня навалилась неодолимая тоска, так как эту встречу с родным домом я представлял совсем другой: радостной и долгожданной. Но вместо этого я ещё сильнее ощутил полное одиночество и безысходность.

Осторожно толкнул дверь, она с жалобным скрипом открылась, приглашая в гости. Вошёл и ощутил знакомый запах родного дома, который сохранился спустя много лет. Напротив двери всё так же стоял старенький бабушкин сундук, в котором я любил копаться и прятаться в детстве. Открыв его, увидел только пустоту. Вспомнил про старый большой серый уют, наполнив углями который, мама гладила мне одежду. Он почему-то всегда хранился в сундуке вместе с семейными вещами.

Я смотрел на старую мебель, ту, которую много лет назад сделал мой дед. Знал, что, возможно, вижу её последний раз, и поэтому мне хотелось прикоснуться к старенькому бабушкиному сундуку, столу, длинной низкой скамейке, покосившейся от времени табуретке.

Говорят, что вещи хранят в себе тайну и со временем становятся такими дорогими и близкими, словно любимый человек, и я это чувствовал. Мне казалось, что совсем недавно здесь были мои самые дорогие люди, которые последний раз сидели за этим дубовым столом и ели крошки, приготовленную мамой, а вон там, у самой печки, на скамейке грелся мой дед, смоля самосад, посаженный своими руками. А я из-под стола всё пытался достать деревянную ложку, и вот она неожиданно падает, и я начинаю плакать заранее, чтобы меня не ругали родители.

Под дедушкиным столом у меня был свой мир, наполненный детскими радостями. Лучшей забавой был рыжий котенок, которого я всегда пытался схватить за хвост, и он, царапая меня, спасался бегством. Со временем он стал взрослым и важным котом, а я был тогда уже подростком, и

мы долгое время оставались с ним закадычными друзьями. Когда я ушёл в армию, он неожиданно исчез, и я некоторое время винил в этом себя, думая о том, что мой старый рыжий кот загрустил от одиночества и ушёл меня искать.

Ножка старой деревянной кровати провалилась между половицами, и кровать, наклонившись, сиротливо ждала своей участи. А когда-то много лет назад, лёжа по вечерам на ней, я смотрел в окно и любовался звёздами и, найдя среди них самую желанную, мечтал о счастье. Но сейчас мне не хотелось об этом думать. Наверное, потому, что многое, о чём я мечтал в детстве, так и не сбылось.

Хорошо, что мы можем мысленно возвращаться в прошлое, побывав в детстве, которого так не хватает сейчас. Интересно, как бы мы себя вели, если бы снова вернулись в него? Наверное, оставались бы такими же беззаботными и независимыми, нас бы не беспокоили проблемы, которые одолевают сейчас.

Рядом со мной стояла чудом сохранившаяся полусгнившая табуретка. Осторожно присев на неё, я предался воспоминаниям.

В стекло билась, пытаясь вырваться на свободу, заблудившаяся муха. Из красного угла по-прежнему, как в детские годы, на меня смотрела икона Божией Матери. Я подошёл к ней, смахнул паутину. Взгляд невольно скользнул по рушнику, за которым виднелась лампада с засохшим без масла фитилем. Много лет назад на большие православные праздники от него всегда исходили радостное тепло и благодатный свет, который наполнял наш старенький дом.

На стене молча висели часы-ходики с тремя нарисованными медведями в бору. Подтянул гири – и часы пошли, застучали, нарушив пугающую тишину и напомнив дому о своём присутствии. Дом ожил. Подошёл к печке, на которой стоял старый небольшой чугунный горшок, в котором мама готовила вкусную картошку, прислонил к нему свои ладони и почувствовал, как от него в ответ исходит тепло родного дома.

Каждый раз перед Новым годом я писал записки, в которых задумывал своё желание и выкладывал сокровенные мечты о счастье, для чего-то бросал в печку, и огонь сжигал их. Но с годами многое, о чём я мечтал, так и не сбылось. Сейчас, если бы я возвратился в детство, написал бы, наверное, самые простые желания, которые, я уверен, принесли бы мне счастье.

Постоял, огляделся вокруг, потрогал покрывшиеся плесенью обои, которые свисали со сте-

ны. Уходить не хотелось, я снова возвратился в детство, ощущая минуты счастья. На улице пошёл осенний мелкий дождь, сбивая с деревьев жёлтую листву. Капли дождя стекали по старым разбитым рамам, стучали в уцелевшие грязные стёкла, как будто хотели достучаться до меня.

Я вышел в полутёмные сени, под ногами жалобно и одиноко скрипнула половица, вызывая давно забытые воспоминания. Открыл дверь на крыльцо и сразу обратил внимание на старый клён, который рос рядом с домом, окруженный зарослями крапивы. Когда-то соседский мальчишка перочинным ножом вырезал на нём имя девчонки. Более тридцати лет прошло, а следы так и остались.

Мне кажется, клён был мне рад и если бы был он человеком, то, наверное, прослезился бы, увидев меня. Он давно состарился и теперь по сравнению с молодой и озорной березкой, которая благосклонно осыпала меня жёлтыми листьями, выглядел ещё более грустным.

Мой старый милый клён, как мы с тобой похожи, оба одинокие и заплутавшие в этом мире в поисках любви и счастья! Если бы ты смог меня понять, я бы многое рассказал тебе о своей жизни, а ты – о своей. Тебе есть чем поделиться: за эти годы ты многое видел, поэтому и стоишь такой задумчивый и грустный.

С клёном у меня были связаны яркие воспоминания. На нём всё так же висел скворечник, который в третьем классе я смастерил вместе с отцом. Каждый год я ждал прилета скворца и радовался вместе с родителями, когда он возвращался.

А он, словно в благодарность, кружил над домом. Потом находил себе подругу, у них появлялись птенцы, и осенью все они улетали в тёплые края.

Мне снова, как в детстве, захотелось его увидеть, и я посмотрел на скворечник. На этот раз он был пуст. Со временем домик моего скворца покосился и потемнел. От него, как и от моего дома, веяло старостью и одиночеством. Даже птицы перестали сюда прилетать, потому что их теперь, как и меня, никто не встречал.

Вечером пошёл на кладбище проведать могилку мамы. За многие годы здесь особенно ничего и не изменилось, стояла такая же угнетающая тишина да деревьев стало намного больше.

Я долго бродил по кладбищу, пытаясь найти знакомое место. Припомнил, что там, где похоронена мама, неподалеку росли берёзы и через погостные кресты просматривалось убранный колхозное поле.

Была осень, октябрь. В то время, когда гроб опускали в могилу, косяк перелётных птиц, проле-

тая мимо, издавал прощальный крик. Это мне запомнилось почему-то сильнее всего. А ещё вспомнил, что могила была почти в конце кладбища. Тогда я и направился. Было безлюдно и немного страшновато, но я знал, что должен побывать на могиле мамы, мне казалось, я был перед ней в чём-то виноват, и надеялся, что это посещение освободит меня от тягостных мыслей.

После долгих блужданий я нашел знакомую могилу. На моё удивление, здесь было всё аккуратно прибрано, а в небольшой стеклянной банке стояли уже завядшие полевые цветы.

Я долго простоял в тишине и размышлениях, для чего-то вытер сухие глаза, и в этот самый момент раздался незнакомый голос, от которого я буквально вздрогнул: «Ты же Перкин Анатолий. Да? Что, не узнаешь? Мы же Карцевы, помнишь таких?» Передо мной стояли бабушка в черном застиранном платке и дедушка, опирающийся на палочку. Фамилия мне показалась знакомой, но этих людей я не узнал, однако для приличия сказал: «Конечно, помню, как же не помнить».

– Давно тебя в деревне не было, сынок, тут тебя почти забыли, а ты взял и появился. А за могилкой мы иногда присматриваем. Мать твоя была женщина задушевная и весёлая. Песни пела хорошо.

Они ещё долго вспоминали маму, и мне было приятно оттого, что спустя много лет добрая память о ней осталась у сельчан. И вдруг я услышал от них слова, которые поразили меня в самое сердце.

– А ты брата своего прости за то, что уехал тогда от вас, он неплохой человек, хоть и калека. Это он здесь порядок навёл, пришел сюда с цветами, ковыляя на одной ноге. Протез свой снял, около скамейки аккуратно поставил, потом долго сидел и курил, о чём-то задумался. Мы сначала подумали, кто это может быть? А подошли ближе и узнали – твой брат. Он так изменился, постарел и лицом каким-то серым стал, видать, жизнь его потрепала. Ещё и о тебе спросил. А мы не знали, что ему ответить. Он у наших соседей недельку пожил, потом куда-то уехал и больше не появился. Но на могилку матери, хоть она и сдала его в детский дом, пришёл. Видать, совесть его мучила долгие годы. Нам его так жалко стало. Человек всё-таки. Вы как, встречаетесь с ним? Всё же родная кровь. Нельзя быть родному человеку чужим, грех большой.

Увидев, что беседа навевала на меня большую грусть, перекрестившись, достали откуда-то распечатанную бутылку водки и граненый стакан.

– Помянуть надо, осенью почти в это же время Настасью схоронили, пусть земля ей будет пухом.

Налили почти полный стакан и протянули мне. Пить не хотелось, да ещё в таком большом количестве. Но они, как бы настаивая, почти вместе сказали: «Не по-христиански это» и исчезли так же неожиданно, как и появились. А я ещё долго стоял с почти наполненным до краёв стаканом водки и не знал, что с ним делать. Но, соблюдая обычай, с большим трудом наполовину опустошил стакан, занюхивая рукавом. От выпитой без закуски водки зашумело в голове, стало как-то необычно приятно и ещё больше одиноко.

Неожиданно подул холодный ветер, срывая со старого тополя жёлтый осенний лист. Я подставил ладонь и, когда он нежно опустился в нее, зачем-то крепко зажал его в кулак, боясь, что он упадёт на одну из могильных плит.

На кладбище приходят мысли о смерти и смысле жизни, о том, о чём не задумываешься раньше. Любая мелочь, пришедшая в голову, становится важным жизненным вопросом и может перевернуть устоявшиеся взгляды на прошлое и настоящее. Ты не думаешь о материальном благополучии, не строишь планы, а просто осознаёшь свою жизнь и думаешь о том, что с ней делать дальше. Кажется, что ты становишься мудрее, и тебе не хочется ничего просить у Бога, только безумно хочется жить.

Время останавливается, мысли текут медленнее, а воспоминания становятся острее, затуманивается будущее.

Терзает мысль о том, что все мы смертны. Хотим мы этого или нет, но всех нас поджидает здесь встреча, несмотря на положение в обществе, возраст, пол и всё остальное.

Но даже и здесь существует различие, кто жил богато, а кто бедно. Среди ухоженных могил есть заброшенные, и складывается такое впечатление, что эти люди никому не были нужны при жизни, поэтому-то их и быстро забыли. Покосившиеся могильные оградки и пожелтевшие от времени фотографии на прогнивших деревянных крестах говорили об этом.

Смотря на могилы знакомых, ушедших в иной мир, вспоминаешь их как живых, и почему-то никогда не приходят мысли о том, что они совершали в жизни плохие поступки. В народе говорят, что об ушедших вспоминать плохо – большой грех. Это, наверное, оттого, что все мы там когда-нибудь тоже будем.

Оглянувшись вокруг, я увидел на могильных крестах знакомые фамилии. Их было так много, что казалось, будто за прошедшие годы здесь схоронена половина деревни. Вот совсем рядом могила од-

ноклассника Сергея Козыбина, говорят, что он крепко пил, вот и ушёл из жизни так рано. Немного подальше увидел на могильной плите имя своего друга Александра Гаврюшина. Страшная была у него смерть, по пьянке изрезал ножом свой живот. Как сейчас помню, мы в детстве над ним часто смеялись, называя Гаврюшей.

А вон там похоронен наш деревенский авторитет Карпуха. Много лет он отсидел в тюрьме, и мы, деревенские подростки, тянулись к нему и в то же время боялись. В последнюю встречу он, прилично выпивший, для чего-то угостил меня пивом и, крепко обняв за плечи, молча ушел. А я потом ещё долго вспоминал этот случай и хвастался всем знакомым. В основном молодежь нашей деревни уходила из жизни из-за водки.

Я знал многих людей, которых погубила водка, поэтому больше всего боялся спиться и сгинуть где-нибудь на чужбине.

Под впечатлением увиденного и из-за воспоминаний я почти забыл об оставшейся в стакане водке. И только вспомнив о брате, с которым мы при первой нашей встрече опились пива, я залпом осушил стакан и ещё больше захмелел. В голове промелькнули яркие воспоминания, в основном о брате.

Не знаю почему, но было приятно, что он был здесь, как будто мама могла об этом знать. Он также сидел на этой скамейке. Интересно, о чём он думал? Наверное, чувствовал свою вину, а иначе бы не пришёл сюда. А может, его душа страдает от одиночества и непонимания окружающих? И он, как и я, мается в поисках счастья, а сейчас живёт где-нибудь на вокзале и вспоминает обо мне. От этих грустных мыслей я снова глубоко и ярко прочувствовал свою вину, и мне до боли в душе стало жалко брата и захотелось ещё сильнее увидеть, понять и принять его таким, какой он есть.

Только потеряв родных нам людей, мы задумываемся над тем, как бывали несправедливы к ним.

Покидая могилу мамы, я почувствовал внутри себя покой, как будто выполнил давно забытый долг. Воспоминания дали возможность ещё глубже заглянуть в себя, чтобы по-новому осознать свой жизненный путь.

Снова увидел свою старенькую погибающую деревушку, в домах которой теплился свет, в душе моей словно что-то перевернулось. В небе закружил первый снег, и я, подставив ему своё лицо, глубоко вздохнул. Захотелось, как в далёком детстве, побросать снежки, а потом сесть на старые дедовы сани и помчаться с высокой горы на зависть деревенским девчонкам и хотя бы на

миг возвратиться в прошлое, окунувшись в счастливое детство.

Времени на размышления было достаточно, так как спешить было некуда. В своей родной деревне я был теперь гостем, для которого воспоминания с годами становятся ещё дороже.

Знал, что прошлое не вернуть, но если бы была возможность всё вернуть назад, я, наверное, совсем бы по-другому относился к родителям – с большим вниманием и любовью – и прожил бы то время необычно и ярко, так, чтобы каждый день приносил им и мне только счастье.

ИЕРОМОНАХ ЕВГРАФ

После долгих лет безверия в середине 90-х годов в России стала возрождаться православная вера. В то время появлялись разные люди, которые приписывали себя к избранным святым. Людям сложно было отличить истинных священников. Многие не осознавали вообще, что такое православие.

В то время нужны были духовные люди, которые могли бы помочь в возрождении веры. Однажды в Алдане появился иеромонах Евграф, приехавший из монастыря. Высокий и широкий в плечах, с седеющими волосами, в простой и уже не новой деревенской рубашке, он выделялся среди всех. Шикарная белая борода, развевающаяся на ветру, была его визитной карточкой. Жил он первое время у матушки Кристины, потом – где приютят, питался в церкви, много ездил по селениям и нёс православную веру в народ. Узнав о том, что я журналист, попросил через газету помочь освещать возрождение православия, на что я охотно согласился.

Моя первая беседа с ним состоялась случайно и сразу переросла в заинтересованный диалог. Я рассказывал ему о том, как мотался по стране в поисках счастья и смысла жизни, жил среди нищих и бездомных, а позднее пытался стать монахом. Нужные слова находились сразу, чувствовалось, что рядом присутствовал духовный человек, понимающий твой внутренний мир, умеющий слушать и желающий помочь.

Я думал о том, что он будет мне рассказывать о религии и православной вере. Но, выслушав меня, он поведал о себе, рассказал о том, что долгое время жил в монастыре и приехал сюда для возрождения православия, что ему нравятся здешние люди и им необходима вера и поддержка, без которой здесь очень тяжело жить. Беседа наша была искренней, мне хотелось рассказать ему всё о своей жиз-

ни, свои самые сокровенные мысли, о том, о чём раньше я никому не рассказывал. «Сейчас я что-то дам тебе!» – сказал он, роясь в своём рюкзаке. К моему большому удивлению, он подарил мне иконку святых Оптиной пустыни. «Вот, ты хотел жить в Оптиной пустыни, теперь у тебя есть её святые», – сказал, улыбаясь, иеромонах.

После этого он предложил исповедаться, хотя то, что я ему рассказал, уже было исповедью. Слова мои, шедшие из глубины души, были искренни и чисты. Мне было важно мнение иеромонаха. «В монастырях больше не пытайся оставаться жить, люди там разные, жизнь нелёгкая. В миру тоже можно служить Богу. Вера прежде всего должна быть у человека в душе. Не так важно, где он находится, важно, как он принимает её. Здесь, в Якутии, у тебя будут в жизни большие перемены», – говорил он сильным и уверенным голосом.

И я верил его словам. Хотелось узнать, как правильно выбрать жизненный путь.

Этого хотели многие. Доброта и простота иеромонаха, умение выслушать и желание помочь притягивали людей. К нему шли с наболевшими проблемами, делились, советовались.

– А ты не хочешь помочь окрестить детишек? – обратился он однажды ко мне. Я с радостью откликнулся на его просьбу, и на следующий день мы поехали по якутским посёлкам крестить детей, проводить службы и рассказывать о православной вере. В эти минуты я видел жизнь совсем другой. Сотни людей потянулись к православию, пытаясь найти в нём спасение.

К иеромонаху подошла одна из женщин-якуток, спросила: «Можно окрестить ребёнка? Я слышала, крестят только русских». На что отец Евграф ответил: «Всех крестим, главное, чтобы вера была в душе!» За несколько минут к чану для крещения выстроилась целая очередь, в которой были и пожилые люди. Многие не знали, как правильно креститься, и смотрели, как это делают другие. Некоторые стеснялись и наблюдали за крещением со стороны.

Я видел глаза детей и взрослых. Они были совсем не такими, как в обыденной жизни. В них были открытость, радость и непонятное чувство блаженства. От этого испытывал духовную радость и я.

После отъезда отца Евграфа в Алдане началось строительство церкви. Появились священники. Но не каждые обладали внутренней духовностью для того, чтобы вести за собой людей к православию. В те годы было очень сложно найти истинного батюшку, чтобы доверить сокровенные чувства.

Один мой хороший знакомый перестал ходить в

местную церковь из-за того, что батюшка не захотел его выслушать. А когда выслушал, то сделал неправильные выводы. Этим завёл в ещё большее заблуждение уже и без того заблудшую душу.

Когда матушка и бабушки, работающие в храме, предложили мне быть помощником у священника, я был в раздумье, так как боялся ошибиться, как много лет назад, в силе и прочности своей духовной веры. И тогда, пытаясь разобраться в себе, я не долго думая подался в один из монастырей в поисках иеромонаха Евграфа. Но там его не оказалось, и я стал посещать другие монастыри в надежде найти его. Однако все мои попытки оказались тщетны. Кто-то говорил, что он отправился в паломничество по святым местам России. Ходили слухи, что ушёл в отшельники и ни с кем теперь не общается.

* * *

В один из вечеров матушка Кристина Тимофеевна попросила меня зайти к ней вечером домой. В квартире было уютно и скромно: небольшая кровать, сундук, небогатый скарб. В углу висела большая икона Серафима Саровского, горели лампы.

– Ты проходи, сейчас будем чай пить, – невесело сказала она, поправляя скатерть. Рассказала о своей жизни:

– Грустно сегодня мне, год назад сына похоронила, в армии погиб. Сколько я выплакала слёз, одному Богу известно. Но разве этим сможешь своему горю? Надо держаться и продолжать жить. Для этого мы и родились, чтобы познать Бога. После гибели сына я стала больше осознавать, как жесток этот мир, и когда нам бывает плохо, мы ищем спасение: кто – в водке, кто – в наркотиках. А меня вот молитвы спасают. Помолюсь за сына своего, мне легче становится, и грехи свои замолю заодно. Я, наверное, сейчас бы была самым счастливым человеком на земле, если бы сын оказался рядом со мной. В жизни своей я вроде никому плохого не делала, а она со мной жестоко обходится, вот мужа недавно похоронила, теперь одинёхонька осталась. Но я не держу на жизнь обиды, значит, этому и суждено было быть. Надо просто смириться с тем, что произошло, и принять как должное. Когда человек имеет всё в своей жизни, он редко задумывается о Боге и приходит к нему, когда ему плохо, когда нужны поддержка и понимание, которых он не находит у окружающих. Тогда он приходит в храм, невольно просит себе материального благополучия, не задумываясь над тем, что сначала должен отмолить свои

грехи для того, чтобы быть ближе к Богу. И если человек это понимает, он получает по своим поступкам и заслугам, которые у всех нас различные. Вот поэтому и к Богу приходим и живём мы все по-разному, оттого, как духовно богаты или бедны.

Домой я отправился поздно вечером. По дороге оглянулся на окно матушки, в котором отражался свет лампад. Я знал, что она ещё долго будет читать молитвы. А утром так же встанет в одиночестве, скромно позавтракает, почитает молитвы и пойдёт снова в церковь, которая стала для неё вторым домом, где она находит спасение.

ВСТРЕЧА С ЕПИСКОПОМ

Исповедь важна для человека, она освобождает его от плохих мыслей и укрепляет в вере, даёт возможность более глубоко заглянуть в себя, по-новому посмотреть на свой образ жизни. И когда в наш город должен был приехать епископ, я подумал о том, что мне необходимо с ним поговорить и исповедаться.

К тому времени в душе моей был разброд, и мне необходим был совет. Я надеялся найти его у епископа. Настоятель церкви представил меня ему как своего активного помощника в возрождении православия в Якутии. Это была моя первая встреча с епископом, и я сильно волновался, когда мы остались с ним наедине.

Сначала у нас состоялась беседа. После этого епископ предложил мне исповедаться, но я знал, что ещё не готов к откровению, так как сама беседа с ним у меня не получилась.

Но где-то глубоко во мне теплилась надежда на то, что исповедь перед епископом поможет мне определиться в жизни. Мне казалось, что я смогу открыть ему всю душу, рассказать о сокровенном. В ответ от епископа хотелось услышать слова поддержки и понимания. Как и следовало ожидать, исповедь прошла не так, как я задумал.

Я всё больше жаловался на свою несчастную судьбу, говорил о том, что не могу найти себя и не знаю, как жить дальше. Выслушав меня, епископ сказал, что во мне присутствует эгоизм и много недостатков, с которыми необходимо бороться.

После исповеди я ещё раз убедился, как далёк от Бога и православной веры. Доказательством тому были мои несложившиеся отношения с новым священником. Не было у нас искренней беседы, в чём-то он не понимал меня, а я его.

После очередного приезда из посёлка, где мы

проводили крещение, мне стало одиноко и тоскливо. Вера не давала мне духовной силы. С большой грустью я вышел из церкви на улицу, где шёл дождь, гремел гром и сверкали молнии. Не обращая внимания на погоду, я, намокший и промёрзший, брёл в вечерних сумерках, понимая, что в церковь больше не вернусь. Я не искал ответы на вопросы, почему так произошло, вопросов просто не было.

Вера в Бога, привитая мне ещё в детстве, всё так же глубоко оставалась в душе. Но в то время я вновь находился на перепутье, не знал, как жить дальше.

ЖУРНАЛИСТ

В 2003 году меня пригласили работать редактором газеты в корпорации «Трансстрой-Восток». Газета освещала строительство железной дороги на Север. Спустя всего лишь неделю после того как я приступил к работе, на первой полосе газеты «Гудок» был опубликован мой материал о строителях, продолживших эстафету великих бамовцев. А в следующем году я стал лауреатом премии Союза журналистов Республики Саха (Якутия).

На больших совещаниях мне приходилось встречаться с руководителями стройки. Особенно запомнилась первая встреча с президентом Республики Саха Вячеславом Штыровым при сдаче железнодорожных строительных объектов. Представившись журналистом и минуя его личную охрану, я оказался один на один с президентом в одной из небольших комнат. Я быстренько настроил микрофон. Штыров отнёсся к этому вполне спокойно.

Продолжить начатое интервью мне помешала группа чиновников из Москвы и правительства республики, которая буквально вломилась в комнату, чуть не подмяв меня.

Увидев, что я нахожусь наедине с президентом, они прямо-таки застыли от неожиданности, после чего один из руководителей стройки почти крикнул мне в лицо: «А что ты здесь делаешь?» Президент встал на мою защиту: «А ты что так грубо разговариваешь с человеком?» Руководитель стройки растерялся от неожиданности.

После этого у меня было ещё несколько встреч и интервью с президентом Вячеславом Штыровым. В республике он пользовался авторитетом и уважением. С его приходом Якутия стала быстро развиваться, началось строительство социальных объектов, православных храмов, железной дороги. А самое главное: у людей появилась вера

в возрождение северного края, а значит, и в улучшение своей жизни.

Но через некоторое время президент подал в отставку по собственному желанию.

* * *

Общаясь в кругу руководителей, я увидел жизнь с другой стороны. Здесь существуют свои законы, порядки и ценности, другое отношение к жизни. Когда человек имеет большую власть, деньги и положение в обществе, он невольно становится выше обычных людей. Это закон природы, и он существует для всех. Счастье таких людей, как правило, заключается в том, чтобы подняться ещё выше, иметь ещё больше денег и власти. Такое происходит почти со всеми.

Однажды я ехал в кортеже президента республики, министра транспорта и представителей правительства России по улицам города и видел, как сотни людей стояли на тротуарах, взглядами встречая и провожая наш кортеж. Впереди и сзади нас сопровождала большая эскадра мотоциклистов и машин ГАИ с мигалками.

Расположившись поудобнее в салоне джипа, я задумался о жизни, о том, что, наверное, люди, ехавшие рядом со мной, и есть самые счастливые, так как добились власти и положения в обществе. А с другой стороны, думал я, они обычные чиновники, занимавшие должности в правительстве. Так же, как и все, они боятся за свои посты и будущее.

Я был независимее, чем они, так как на мою должность редактора газеты особо претендентов не было. Быть журналистом ради того, чтобы искать правду и защищать обычных людей, – сейчас неблагородное дело. Но к этой профессии я шёл долгие годы. Ради чего? Чтобы проехать в этом кортеже? Как всё наивно и смешно! Но от этого я испытывал тихую внутреннюю радость, а воспоминание о бездомной жизни давало мне ощущение далёкого и несбывшегося счастья.

В то же время я видел, как по улицам города бродили нищие. Особенно много их было около вокзала. Чиновников, ехавших со мной, жизнь простых людей, которая текла своим чередом за окнами их автомобилей, особенно не интересовала.

Моё желание завести с чиновниками беседу не вызвало у них особого интереса.

* * *

Много лет назад, находясь в обществе нищих и бездомных, я не думал о том, что так сложится моя судьба. Но если бы мы знали всё наперёд, то наша жизнь стала бы неинтересной, мы бы не ценили мелочи.

Поэтому, не зная своего будущего, мы мечтаем, строим планы, часто ошибаемся, а подчас все наши усилия, которые мы прикладываем для достижения своей цели, бывают пустой тратой времени.

Осуществив свою мечту, мы получаем прежде всего внутреннее удовлетворение, а потом наслаждаемся материальным благополучием. Но часто бывает так, что, достигнув своей цели, разочаровываемся. Это происходит оттого, что само достижение цели не так важно, важнее путь, который даёт нам ощущение радости. И чем тернистее и сложнее он будет, тем дороже и значительнее для нас достигаемая цель.

* * *

Чтобы собрать материалы для газеты, я часто мотался по стройке. В большинстве случаев ловил первую попавшуюся машину и долгие часы ехал по разбитой федеральной трассе на Север, ночуя вместе с водителями в машинах и терзая их вопросами о том, как им живётся в этом далёком заброшенном уголке. Почти все ответы сводились к одному: «Посмотри, по какой дороге мы ездим, это наше счастье и наше несчастье».

Однажды на попутной машине я ехал до Якутска. Водителем оказался грузин, который много рассказывал мне о красоте и гостеприимстве своего края. На половине пути мы остановились и решили заночевать в машине.

Рано утром, когда тронулись в путь, я заметил дым, который валил из кузова нашего «КамАЗа». «Это же мы горим», – засуетился водитель, резко останавливая машину, которая в это время шла на спуск. Тормоза сработали так неожиданно и резко, что «КамАЗ» стало заносить и бросать из стороны в сторону. Случилось это на том месте, где аварии были частыми. Внизу был крутой обрыв, в который упала не одна машина.

Я закрыл глаза и приготовился к худшему. «Всё, – подумал я, – хана». «Давай выскакивай, сейчас машина взорвётся», – хватая на ходу всё, что попадалось под руки, кричал водитель. Я выскочил из машины первым, словно пробка. Дополнительный бензобак был наполовину охвачен огнём.

Спас нас только что прошедший дождь, который оставил после себя большие лужи воды. К тому же рядом остановилось несколько машин, водители которых стали помогать нам тушить огонь. Не пострадав, мы поехали дальше, а водитель теперь всю дорогу говорил о том, как важны в их работе взаимопомощь и понимание.

* * *

В одной из поездок по строящейся железной дороге наш джип, по «пузо» увязая в непроходимой грязи, преодолевал нелёгкий путь. На федеральной автодороге до Якутска образовались буквально озёра воды, ехать по ним приходилось с особой осторожностью. Движение не было интенсивным. Изредка встречались гружённые контейнерами «КамАЗы». Водитель одного из них сказал, что до Якутска мы не доедем, так как впереди большой автомобильный затор протяжённостью в два километра и движение закрыто.

К реке Сылгылыр, что в переводе с якутского языка означает «лошадь», мы подъехали поздно вечером и, к нашему большому сожалению, лошадей не увидели. Зато нас встретили не слишком доброжелательные собаки, живущие здесь, как и во всех вахтовых посёлках.

Мост через реку Сылгылыр считался самой дальней точкой на строительстве – это передний край трудового фронта, где пока невозможно создать хорошие условия для жизни строителей. Но люди стараются, хоть и временно, обустроить своё жильё.

Время было позднее, шёл сильный дождь, но работы на строительстве моста не прекращались. Разрывая ночную тишину, работала строительная техника – бурились скважины под опоры. Вразброс стояли всё те же не первой свежести бамовские вагончики. Лил не переставая дождь, дул пронизывающий до костей северный ветер, но люди трудились, несмотря на плохую погоду.

Увидев нас, строители доброжелательно пригласили в гости: «Заходите в вагончик, дождь ведь как из ведра». Предложили выпить горячего крепкого чая, от которого нельзя было отказаться. В небольшом вагончике было по-домашнему уютно и тепло, пахло жареной картошкой. В такой приятной обстановке мы перешли к откровенному разговору.

После выпитого глотка горячего чая разговорился о жизни. Строители оказались людьми эрудированными и грамотными, один из них когда-то даже окончил Литературный институт. Работал журналистом в областной газете. Увидев во мне

коллегу, откровенно стал делиться своими впечатлениями о жизни.

– Правда и счастье – синонимы. Если мы приобретаем счастье, то нам и правды не надо искать, а найдя правду, не будем думать о счастье. Но о правде и счастье у каждого человека свои представления. Если для одних они имеют мимолётное значение, то для других являются смыслом жизни. В первом случае человек будет страдать из-за боязни их потерять, во втором – правда и счастье не имеют для него особого значения.

Кто из них поступает мудрее, рассудит только время. Человек может прожить всю жизнь, так и не найдя своей правды и счастья, а может искать её в том, в чём хочет видеть.

Вот взять, к примеру, нас. Мы, простые рабочие, ищем свою правду. А она нам сильно и не нужна, плати нам хорошие деньги, мы её и искать не будем, потому что они для нас важнее всего. Деньги мы хорошие не получаем и поэтому ищем правду, надеясь, что с ней будем жить лучше. А получается наоборот. Пытаясь найти свою правду, мы становимся неугодны начальству, а нашим трудом и потом заработанные копейки не можем получить сполна. Ищут справедливости в основном простые люди и, не найдя её, больше разочаровываются в жизни. К власти, как часто бывает, приходят люди, для которых законы не писаны, не говоря уже о человеческой морали. Простым людям для счастья нужно совсем немного: здоровье, хорошая зарплата, чтобы они смогли прокормить и обеспечить всем необходимым семью, и вера в то, что впереди их ждёт стабильность.

ОДИНОЧЕСТВО

Одиночество преследует человека не только тогда, когда он находится один. Даже в коллективе, имея семью и друзей, он может испытывать это чувство.

От одиночества нельзя убежать и скрыться. Оно будет преследовать везде и всегда, и чем больше ты будешь о нём думать, тем сильнее оно будет напоминать о себе.

Живя долго один, я испытал это чувство и находил разные способы его избежать. Долгими осенними вечерами я не хотел рано возвращаться домой и бродил по улицам, чтобы хоть как-то приблизить ночь и спастись от одиночества сном. Ночью часто одолевала бессонница, тогда я, будучи некурящим и непьющим, выпивал стопку-другую спиртного и выкуривал сигарету.

На некоторое время это помогало, потом становилось ещё хуже. Я вновь ощущал себя словно потерянным в этом мире, исчезало желание стремиться к чему-либо, терялся смысл жизни, начиналась депрессия, и нельзя было найти из неё выхода.

В такой ситуации пустота всё чаще наполняет твой внутренний мир, и не находится места для радости. Хочется выйти из этого состояния, но ты не в силах что-либо изменить.

...Ночью в соседнем доме в полном одиночестве умер хороший знакомый, совсем молодой парнишка, который прилично пил.

Об этом узнали только через несколько дней. Совсем недавно он жаловался мне на свою жизнь. Говорил о том, что очень одиноко, ему не хватает общения и он не знает, как ему быть дальше. В его словах чувствовалось безразличие к себе, звучала полная безысходность. Это чувство однажды уже приходило и ко мне, и я его боялся.

Страшно было заболеть и умереть или сойти с ума от одиночества. И чем чаще я об этом думал, тем эти мысли становились всё навязчивее, не давая мне покоя.

Чтобы как-то избавиться от гнетущего чувства, я завязал дружбу с местным алкоголиком-психиатром, пытаюсь узнать у него грань между сумасшествием и нормальным состоянием человека. Но что путное может посоветовать человек, который последние свои годы находит счастье в бутылке и занимается у меня деньги, чтобы опохмелиться? Через несколько лет, уйдя на пенсию, он попал в психбольницу, в которой был когда-то главным врачом.

Чтобы избавиться от воспоминаний и обрести внутреннее спокойствие, я исповедался перед знакомым священником из местной церкви, который посоветовал мне перед сном читать молитвы, что я и пытался делать. Но иногда одиночество и тоска одолевали с такой страшной силой, что мне и это не помогало.

Тогда я обратился к знакомому невропатологу и выпросил у него антидепрессанты в надежде, что они станут моим последним спасением. Первое время я их пил почти горстями, и что-то изменилось во мне. Я стал ощущать внешний покой и безразличие к окружающему миру. Но это было поверхностное успокоение, глубоко в душе я продолжал осознавать, что проблема находится во мне и, чтобы от неё избавиться, необходимо было искать другие пути её решения.

Больше всего я боялся просыпаться, особенно в четыре утра. До рассвета ещё далеко, а заснуть снова бывает очень трудно.

Вот и в эту ночь не спалось. Решил покурить сигарету, затянулся несколько раз. Какая гадость, зачем люди курят? Потушил и выбросил бычок. Подошел к холодильнику, взял пиво, открыл. Пена из бутылки выбросилась через края, обливая руки. Какая вонь и непонятная горечь во рту! Зачем люди пьют? Пошёл, вылил пиво в раковину и задумался, что делать дальше. За стеной панельного дома шум драки.

Снова лёг на кровать и закрылся подушкой, пытаюсь найти спасение от пьяных криков и своих мыслей, в надежде заснуть. Решил досчитать до ста. Просчитал до пятисот, но сон так и не приходил. Вспомнились Москва и филиал Малого театра около метро «Добрынинская». Я любил в осенние дождливые вечера смотреть там спектакли.

Если бы я не уехал из Москвы, то, возможно, сейчас в одном из кабаков читал бы свои стихи про осень и дождь, который стучит в мои окна, или про образ одноклассницы, растаявший с пришедшей весной. В зале сидело бы много девушек, которые аплодировали бы и улыбались мне, а я искал бы среди них самую красивую, чтобы посвятить ей своё самое лучшее в мире стихотворение.

Потом меня вызывали бы на бис, и я стал бы неуклюже кланяться...

Как быстро летит время! Прошло много лет, а я так и не стал знаменитым поэтом и даже ничего не добился в жизни и сейчас в одиночестве со своей безмятежной тоской, где-то в далёком якутском посёлке ещё надеюсь, что останусь незабытым хотя бы своими старыми друзьями.

С годами улетучились детская наивность и осталась только несбывшаяся мечта, которая со временем напоминает о себе реже.

Кто виноват в том, что всё, о чём я мечтал, так и не сбылось в моей жизни и я, объездив почти всю страну, так и не нашёл то, чего искал? Поменяв не одно место жительства и повидав разных людей, я продолжаю всё так же мыслить и терзать себя в поисках счастья и истины для того, чтобы познать жизнь.

...На улице минус 40 градусов, и моё крыльцо почти полностью завалило снегом, я ведь не выходил из дома несколько дней. Некуда и незачем идти – никто меня нигде не ждёт. Мне не хочется ничего делать, ни с кем общаться и никого видеть.

Я устал от людей и от их мнений. Часто, пытаюсь найти справедливость, отстаивая их интересы, я, в конечном счёте, забывал о своих! Вряд ли сейчас кто-то из людей, судьбы которых мне были когда-то небезразличны, вспоминает обо мне...

Завёл кошку, но через неделю она сбежала.

В одну из зимних ночей я проснулся от страшного грохота. Оказалось, это был салют – наступал праздник – Новый год, который для меня уже не имел особого значения.

Летом, чтобы как-то заполнить своё одиночество, я часто бродил по тайге. Общение с природой придавало силы и поднимало настроение. Но наступающая осень с новой силой приносила с собой печали и одиночество.

СЕМЬЯ

Встреча с моей будущей женой Валерией произошла случайно и переросла в большую дружбу, хотя я был старше её на пятнадцать лет. Я не думал в то время создавать семью и ещё грезил монастырями и духовной жизнью. И когда я узнал о том, что девушка оказалась от меня беременной, страх и безысходность одолели меня. Я не был ещё готов к семейной жизни и боялся ответственности, зависимости, не представлял своё будущее.

В то время меня одолевали сомнения и стояли два вопроса: остаться здесь или опять уехать неведомо куда. Почти две недели я пытался в одиночестве решить этот вопрос и, собрав скромные пожитки, собрался уехать. По дороге на автовокзал меня мучили мысли о том, правильно ли поступаю. Это большой грех, который мне придётся нести по жизни.

А ещё я думал о том, что мужик должен отвечать за свои поступки. Я направился к своей девушке, которая встретила меня обычно, не подозревая о том, что я собирался уезжать. А я почти плача просил у неё прощения. Она не ругала и не осуждала, а просто смотрела на меня и слушала. И от этого я убеждался в правильности своего поступка. Я понял, что теперь не одинок, у меня своя семья.

На следующий год у нас родилась дочка, которую назвали Мария.

По дороге из роддома дочурка внимательно рассматривала меня одним глазом, второй был спрятан в одеяло. Спустя некоторое время знакомые говорили мне о том, какая у меня красивая дочка. И от этих слов было на душе моей тепло и радостно и охватывало то чувство счастья, которое я не испытывал раньше.

Семья стала для меня убежищем. Она оберегает и всегда рядом со мной, когда трудно.

Бывает, что злюсь на жену, показывая свою слабость, разочаровывая её, а потом, осознавая, что поступаю неправильно, вижу в ней самого дорогого, единственного человека, без которого не знаю, как бы сложилась моя судьба. Иногда мне

кажется, что я люблю её очень сильно, словно в этом человеке заложена частичка моей души, необходимая для жизни. Именно эти чувства доставляют наивысшее наслаждение.

* * *

Мир, в котором мы живём, разделяет нас на богатых, имеющих положение в обществе, и бедных, не имеющих в жизни почти ничего, кроме нищенского существования.

Крест нищеты – тяжёлый крест. И нести его под силу не каждому. Из-за этого и возникают многие семейные проблемы и порой разводы. Деньги – это уверенность в завтрашнем дне.

Всю жизнь мы стремимся хоть как-то поправить своё материальное положение, но не у каждого это получается. Одна моя знакомая, которая не смогла в одиночестве обеспечить своих детей, покончила жизнь самоубийством.

А по себе я знаю, что деньги, как здоровье: чем их больше, тем и лучше, особенно если ты имеешь семью, которую обязан обеспечить всем необходимым.

Бедность нельзя преодолеть, думая о том, что будешь богатым. Она, словно болезнь, не даёт насладиться полноценной счастливой жизнью.

Нищета лишает нас свободы выбора. Мы даже не всегда можем проведать дорогих нам людей, которые живут далеко от нас. Когда в деревне отец остался один в старом полуразрушенном доме, моя душа рвалась к нему. Я не находил себе места, думая о том, как он там сможет жить, и знал, что это большой грех – оставлять своих родителей.

Но во все времена находят добрые люди. Мне пришло письмо из сельского Совета о том, что если я не буду возражать, то моего отца поселят в дом престарелых. Мне было очень неудобно подписывать своё согласие, но у меня не было выбора. Зато где-то глубоко в душе у меня появилось спокойствие за его судьбу.

* * *

Испытав в детстве бедность, я стремился сделать всё, чтобы моя семья жила в достатке и была счастливой. Я брался за разную работу, пытался заняться бизнесом, работал таксистом, выпускал собственную газету. Но мои стремления приносили не материальное благополучие, а только разочарования.

Работая журналистом в трёх газетах и подкопив денег, я впервые повёз свою семью в отпуск. Показал Москву, где когда-то прожил целых пять лет. Сводил в цирк на Цветном бульваре, где моя жена с восторгом смотрела на настоящую цирковую арену, на которой под красивую музыку выступали верблюды в белых накидках. Уже в поезде, когда мы ехали на море, дочка Машенька, прильнув к вагонному окну, смотрела на большой и неизведанный мир, который её сначала немного пугал, а потом вызывал удивление.

И вот мы в Ялте, гуляем по пляжу и любимся дорогими и красивыми отелями. Как часто я хотел вместе с семьей хоть ненадолго поселиться там вместо недорогой квартиры, которую мы снимали около моря.

Но всё это такая мелочь. Когда рядом с тобой близкие люди, не очень-то и задумываешься о деньгах. Мы купили огромный арбуз, который еле донесли до пляжа. Луч солнца, словно дорожка, пробегает по морским волнам, от ребёнка исходит так много радости, что она заполняет тебя. Как же приятно чувствовать, когда у твоих ног шумят морские волны!

Недалеко от моря удобно расположилась на пляже любимая жена. Волны касаются пальчиков её ног, жарит солнце, кружат чайки. Машенька, испугавшись волны, пытается от неё убежать, но почти у самого берега та нагоняет ребёнка и сбивает с ног. И она, уставшая в борьбе с морской волной, кладёт мне горячие камни на спину, лечит радикулит. У нас в Якутии снег и мороз, а здесь – кусочек рая. Вот оно – счастье!

* * *

Что может быть лучше новогоднего семейного вечера, когда все здоровы и рядом? Сказочно светится новогодняя ёлка, и все, словно дети, замерли в ожидании подарков. В такие минуты ощущаются настоящие семейные радости, которые сложно чем-либо заменить.

В новогодние праздники около нашего домика в тайге мы ставим ёлку, разукрасив её игрушками, а рядом лепим снеговика, надеваем на него колпак и тёплые рукавицы. В солнечную погоду прилетают куропатки и глухари, а вдоль дороги видны следы зайца-беляка.

Под Рождество, когда на небе светят яркие звёзды и всё кругом залито сказочным светом луны, в этой окружающей волшебной обстановке

помещается весь мир, который можно представить только в своих мечтах. В такие минуты всегда хочется загадать что-то светлое, но почему-то в голову не приходит ничего особенного.

Моя Машенька уже пять лет мечтала, чтобы однажды на нашем крыльце появился красивый беспризорный щенок. И в один из вечеров, возвращаясь с работы, мы увидели у себя на крыльце большую собаку, которая ждала от нас помощи. Мы помогли бедняге выжить, и она стала членом нашей семьи. Для дочери это было настоящее счастье.

СЧАСТЬЕ

Понятие «счастье» относится к духовным вещам, их невозможно объяснить. Поэтому многие живут в его поисках, не зная о том, что оно может быть рядом.

Старая пословица «Хочешь быть счастливым, будь им» даёт хороший мудрый совет. Но она говорит не о том, что, если хочешь, значит, будешь, а о том, что если захочешь, то будешь стремиться к этому и достигнешь своей цели.

Только приходят к счастью все по-разному: одним для этого понадобится мало времени, другим приходится стремиться всю жизнь, а некоторые так его и не познают, разочаровавшись, потеряют веру в него.

Хотим мы этого или нет, но счастье непосредственно связано со смертью.

«Все мысли о смерти нужны для жизни», – говорил Лев Толстой, который, как и все мы, искал в жизни счастье. Его могила находится, согласно завещанию, в яснополянском парке, на краю высокого оврага, где зарыта зеленая палочка с написанной на ней тайной, которая сделает всех людей счастливыми, когда они прочитают ее. Но я не верю в то, что заветные слова, написанные на ней, сделают всех нас счастливыми.

Размышление о счастье приходит тогда, когда мы что-то теряем. И получается так, что в течение жизни мы всегда либо что-то теряем, либо находим, значит, и думать о счастье нам приходится очень часто.

Чтобы получить удовлетворение, человек часто может поступать плохо – с двух точек зрения. В одном случае это будет духовная сторона поступка, а с другой – преступление закона, придуманного людьми. Если со временем законы меняются, то духовная оценка поступка остаётся неизменной.

Часто в погоне за счастьем мы обманываем сами себя иллюзиями. Но в любом случае всегда будем стремиться к тому, чтобы подольше прожить на земле в благодати и избегая страданий.

Счастьем могут быть любовь, материальное благополучие, избавление от болезней, приобретение, хорошая работа, друзья, духовный рост и многое другое. Для каждого будет ближе то, что его больше всего волновало последнее время, то, о чём он мечтал, к чему стремился. И не обязательно счастье должно быть большим, а чувства от него – сильными, бывает, достаточно какой-либо мелочи, главное – происходящее должно глубоко затронуть, позволить по-новому взглянуть на жизнь и найти в ней ценности, которые не замечались раньше. И чем чаще человек будет замечать их в меньшем, тем больше будет получать от жизни, а значит, и становиться счастливее.

Много лет назад я сидел около кровати умирающей мамы, и она вспоминала каждую мелочь из своей жизни и радовалась тому, что мне казалось не очень важным и запоминающимся. В то время я ещё не мог понять, как мелочи могут приносить такую радость. И только по истечении многих лет жизни эти воспоминания очень глубоко тронули меня и привели к мысли о том, что вся наша жизнь состоит из обычных мелочей, которые могут сделать нас счастливыми.

* * *

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: «Счастье – это не погоны, не должность, не счёт в банке, даже не большая семья. Счастье – это внутреннее состояние человеческого сердца. Счастливым можно быть даже в тюрьме... Счастливым можно быть, живя в большой семье или совершенно одиноко».

По его словам, счастье – это «всегда Божий дар», который «преклоняется к нам и нашими усилиями, и благодатью Божией». Глубочайшее заблуждение, добавил патриарх, считать, что, встав на ступеньку выше, став богаче, будешь счастливым. «Всё исходит от человеческого сердца», – повторил первосвященник.

Он рассказал трагическую историю о том, как двадцативосьмилетний наследник одной западной финансовой империи покончил жизнь самоубийством, бросившись с моста, потому что в сердце был ад и его не могла снять никакая человеческая радость, которую можно купить за деньги или получить за счёт высокого положения.

А из собственного опыта патриарх отметил, что любовь и мир в семье его родителей стали «такой прививкой человеческого счастья», которой ему хватило «до седых волос».

2007–2011

Анатолий Александрович ПЕРКИН

родился в 1958 году в Рязанской области.

*Работал в Москве, в Горьковской, Рязанской областях,
Узбекистане, на строительстве Амуро-Якутской магистрали,
Байкало-Амурской магистрали.*

*В настоящее время – специалист по связям с общественностью,
СМИ и органами власти филиала*

ОАО «Дальневосточная распределительная сетевая компания»

«Южно-Якутские электрические сети».

*Член Союза журналистов России,
лауреат премии Союза журналистов Республики Саха (Якутия).*

В журнале «Север» публикуется впервые.

